

К.В.Цеханская

«КРУГОМ ИЗМЕНА И ТРУСОСТЬ, И ОБМАН...»

Рассматривается процесс отречения Николая II в контексте антимонархических действий привилегированных слоев русского общества, дана характеристика духовно-нравственного состояния народа в преддверии Русской Революции. Особый акцент автор поставил на освещении деструктивных действий военной элиты, побудивших царя отречься от престола. Значительное внимание уделено позиции и поведению русского священства, приветствовавшего отречение императора Николая II. Одновременно в работе подвергаются критике мифологические модели, связанные с оценкой жизни и мученической кончины царской семьи, с оценкой последнего выбора императора, то есть его отречения.

Ключевые слова: цареступничество, измена, исторический миф, покаяние, царебожие, святость

2 марта 1917 г. в 15 часов 45 минут Николай II подписал отречение от престола в пользу своего брата Михаила. 3 марта в 16 часов ровно великий князь Михаил Александрович, по совету членов Временного правительства, сформированного в день отречения царя, в свою очередь, также отрекается от престола, предоставляя вопрос о будущем устройстве страны Учредительному собранию. С этих двух мартовских дней начался отсчет новейшей истории страны, ознаменованный признанием царя: «Всюду измена и трусость и обман». Представляется, запоздалое прозрение императора, сжато выраженное в четырех словах, во всей полноте отразило духовно-нравственное состояние привилегированных и образованных сословий России.

Так кто же трусливо, обманым путем предал последнего русского царя? Почему измена престолу произошла так стремительно, грубо и безжалостно? Эти вопросы еще очень долго будут волновать не только научное сообщество историков, но и обыденное сознание людей. Потому что средоточием русской трагедии XX в. был, прежде всего, **отказ самодержавной формы государственности**, от традиционной системы жизнеустройства.

Георгий Федотов, бывший марксист, вспоминал в эмиграции: «Мы не хотели поклониться России-Царице, венчанной царской короной. Гипнотизировал политический лик России-самодержавной угнетательницы народов. Вместе с Владимиром Печериным проклинали мы Россию, вместе с Марксом ненавидели ее...» [1, с. 8]. Очевидно, под словом «мы» подразумеваются не только одни русофобы да марксисты. Это коллективное федотовское «мы» включает множество разнообразных общественных сил, в своей совокупности и погубивших самодержавное русское царство.

Так кто же скрывался за этим коллективным «мы?». Совершенно ясно — не народ свергал царя, не крестьянская община, не рабочие, вышедшие из деревень и сел, проникнутые солидарно-общинным мировоззрением, не консервативно-благочестивое купечество, не приходское низовое священство и уж тем более — не русская армия, потерявшая на фронтах Первой мировой войны почти весь кадровый состав и военнообязанных 1 и 2 очереди [2, с. 106].

Сегодня активная часть православной общественности напрямую обвиняет в цареступничестве и даже царевубийстве весь русский народ скопом, вплоть до живущих ныне поколений. Но поскольку основу народа составляло крестьянское сословие — около 85% населения, то получается что именно крестьяне как бы массово «отвечают» за грех измены царствующему дому. Русское крестьянство конца XIX — начала XX вв. уже мало напоминало пореформенное крестьянское сословие. Кардинально изменились его социально-политические установки, произошло повышение нравственно-этических запросов, прояснилось осознание своего человеческого достоинства. Например, для многих из них стали невыносимы телесные наказания, практикующиеся властью, особенно при Столыпине. Участились случаи самоубийства после экзекуций. Крестьяне стали ощущать себя существенным элементом формирующегося гражданского общества, что ярко отразилось в наказах и приговорах крестьян в Государственную думу. Но как бы критически не относились они к своему социально-политическому положению, по ментальной сути крестьяне продолжали оставаться вплоть до отречения царя носителями православно-монархического самосознания.

Против помазанника Божия выступило другое коллективное «мы». Это элитарные, привилегированные сословия страны с бурно нарождающейся прослойкой интеллигенции. Несмотря на сословный антагонизм, и высшие сословия, и интеллигенция одинаково активно, в соответствии со своими целями, приближали крушение империи. Кто же входил в круг элитарных «могильщиков» самодержавия? Это члены царской семьи, высшее чиновничество, крупные магнаты и политические деятели. Это высшее офицерство русской армии, надевшее в Феврале красные банты на мундиры. Чего стоит один лишь полк личной охраны государя, состоявший из георгиевских кавалеров, нацепивший в Феврале красные ленточки в петлицы... Или генерал Лавр Корнилов, браво примчавшийся в Царское село арестовывать государыню с красным бантом на груди... Свою лепту в «трусость, измену и обман» внесла и русская Церковь в лице иерархов, отступивших от присяги царю, бросивших его на позор и поругание.

Безусловно, измена царю, а следовательно, самим основами русской государственности имела разные смыслы и контексты как у привилегированных сословий, так и среди интеллигенции.

Высшее дворянство, буржуазия, чиновничество, политическая элита, генералитет, Церковь энергично страстно вовлекались в процесс либеральных перемен, стремясь лишь к новым возможностям в осуществлении своих сословных интересов. При этом, конечно, никто не желал, чтобы антимонархический переворот закончился общенациональной катастрофой, обрушением государственности. Не было никакого смысла вообще принуждать царя к отречению, да еще в момент затяжной войны. То, что Николай II мог согласиться на радикальные реформы, а не оставлять трон, говорит факт его безоговорочного повиновения воле таких личностей, как генералы Рузский, Алексеев и другие заговорщики. Но царь представлялся непреодолимой помехой на пути личной, сословной, корпоративной выгоды элит. Призрак **свободы** — от послушания высшей власти, от обязанностей, закона, тягла служения — очаровал и духовно расслабил высшие слои русского общества. Этот дурман мнимых свобод быстро рассеялся погружением страны в хаос Русской Революции и Гражданской войны.

Если элита сознательно не желала развала страны и действовала под привычной «шапкой монархизма», не вынося окончательного суждения о новом, политическом устройстве страны, по крайней мере, до Учредительного собрания, то совсем иначе действовала и мыслила русская интеллигенция. Ее роль в измене и обмане еще предстоит определить будущим поколениям историков. В 1913 г. известный русский философ В.Розанов резко и жестко сказал: «Если не передают интеллигенцию — России нельзя жить!» [1, с. 285]. Сообщество русской интеллигенции начал XX в. не было ни однородным, ни односоставным. Оно состояло, прежде всего, из разночинной, профессиональной интеллигенции и полуинтеллигенции, вышедшей из народных масс. Вся эта пестрая прослойка из учителей, студентов, адвокатов, агрономов, врачей, инженеров и пр. также искала пути личной и социальной свободы, неразрывно связанной с поиском социальной справедливости, то есть с ценностью, которая, в общем-то, отсутствовала в полуфеодальном многосословном, многоукладном российском жизнеустройстве. Эта часть интеллигенции вместе с народниками, марксистами, социал-демократами провела огромную работу по разрушению легитимности самой системы самодержавия.

На роль данного сегмента интеллигенции в падении монархии не так значительна и разрушительна, как роль творческой интеллигенции Серебряного века — либеральных писателей, поэтов, философов, журналистов, с их уклонами в анархизм, нигилизм, мистицизм, оккультизм, религиозное диссидентство, теософию, и пр. Вседозволенность, откровенный демонизм, глумление и кощунства над традиционными ценностями, преподанные обществу через призму утонченно-изысканного творчества, растлевали традиционной мироощущение людей, ставили под сомнение консервативные устои государственности, сакральную идею монархии, а самое главное — внедряли коды безбожия, ничем не ограниченной свободы. Эпиграфом ко всей культуре Серебряного века может служить отчаянно-дерзкое трехстишие Марины Цветаевой: «Заповедей не блюла, не ходила к причастью. Видно, пока надо мной не пропоют литию, буду грешить — как грешу — как грешила: со страстью!» [3, с. 243].

Митрополит Антоний Храповицкий очень точно определил духовное нравственное состояние образованных кругов российского общества накануне крушения монархии: «Печально наше время... Умножились страсти, померкла вера... явились лжеучители, нигилисты, которые стараются отвести от веры русский народ... убить в нем совесть, чтобы он без всякого страха совершал убийства, грабежи и мятеж. Чтобы не различал добра и зла, а считал дозволенным все, к чему влечет злая похоть...» [4, с. 389, 407, 449].

Не все было благополучно и в среде православного священства. Владыка Вениамин (Федченков) очень прямо обличал священническое сословие, видя и в нем причину падения религиозности русского общества накануне Русской Революции. «Как-то все у нас опреснилось... соль в нас потеряла всякую силу, мы перестали быть солью земли и светом мира. Нисколько не удивляло меня ни тогда, ни теперь, что мы никого не увлекли за собой. Как мы могли зажигать души, когда не горели сами?» [5, с. 136]. Особенно митрополит Вениамин сожалел об утрате в обществе верноподданнических, монархических принципов. Более того, он с откровенной честностью признавал утрату монархических чувств и в себе самом, не понимая до конца ее причину. Так, владыка вспоминал: «Когда убита была царская семья, мы служили панихиду в Симферополе. Но ни я, ни кто иной не плакали, хотя в это время у нас в Крыму были белые и бояться красных было нечего. Даже народу в церкви было мало. Что-то порвалось... И для меня большая психологическая загадка: как же так быстро исчезло столь горячее и, казалось, глубокое благоговейное почитание царя?» [5, с. 97].

Известно, что первым публичным изменником царствующей династии стал великий князь Кирилл Владимирович. 1 марта с царскими вензелями на погонах с красным бантом на плече князь явился в Государственную думу и заявил М.В.Родзянко (председателю Государственной думы) о поступлении в его распоряжение вместе с гвардейским экипажем. С таким же революционным красным бантом командующий войсками петроградского военного округа генерал Лавр Корнилов прибыл позднее в Царское село арестовывать государыню. В лице великого князя и генерала Корнилова символически соединились две основные антимонархические силы — русская аристократия и высший русский генералитет. 2 марта военные руководители русской армии оперативно, в течение двух часов, единогласно ответили на царский опрос о желательности отречения: отречение желательно. В их числе были великий князь Николай Николаевич, генералы Брусилов, Рузский, Напенин (адмирал), Эверт, Сахаров, а также начальник Ставки Алексеев. Этот генеральский «плебисцит» явился прологом к молниеносному крушению монархии. Именно эти люди стали, по

мнению генерала В.Н.Воейкова, настоящими изменниками: «...изменив воинской чести и долгу присяги, они поставили царя в необходимость отречься от престола» [6, с. 235; 4, с. 219].

Антимонархический настрой высшего руководства армии мгновенно «заразил» низшие чины. Фрейлина А.Вырубова вспоминала, как обращались в царем, вернувшимся в Царское село 9 марта, революционные солдаты, охранявшие дворец: «В саду стоял царь и его преданный друг, князь Долгоруков. Их окружили 6 солдат... которые все время толкали государя то кулаками, то прикладами, как будто он был какой-то преступник, прикрикивая: “Туда нельзя ходить, господин полковник, вернитесь, куда вам говорят!”» [7, с. 163].

Через несколько дней после отречения Николай II призывает армию повиноваться Временному правительству, в свою очередь, великие князья и княгини вольно или невольно присягнут на верность новой власти [7, с. 143, 144]. Присягу Временному правительству принесла и Церковь. Казалось бы, что ей оставалось делать, если даже царствовавшая династия прибегла к покровительству новой власти, к милости Керенского — человека, так талантливо игравшего в юности роль Хлестакова и, по некоторым сведениям, желавшего смерти царю [8, с. 164].

Неожиданной для Николая II стала позиция Русской Православной Церкви, можно сказать, восторженно воспринявшей отречение государя от престола. Русское духовенство и свержение монархии — одна из наиболее болезненных, острых, конфликтных тем новейшей русской истории. Эта тема, ввиду сакральности самого института Церкви, является закрытой как предмет научного исследования. И все же необходимо когда-нибудь прояснить этот трагический разлом священства и Царства. Русская церковь настолько была слита с русской историей, что отделить напроць одно от другого невозможно без ущерба исторической правде. Попытка определить причину отказа Церкви от царя содержится в весьма информативной монографии М.А.Бабкина «Духовенство Русской Православной церкви и свержение монархии (начало XX — конец 1917 г.)». Если кратко обобщить научно-документальный и архивный материал монографии, то последовательность разрыва Церкви и царской власти можно изложить следующим образом:

— 27 февраля, в разгар революции, обер-прокурор Раев обращается к Синоду с просьбой осудить участников революционных событий. Но Синод ответил отказом, своим молчанием и бездействием освобождая народ от долга по защите престола;

— 2 марта Синод и часть столичного белого духовенства постановляет немедленно связаться с исполнительным комитетом Государственной думы, по сути признавая новую революционную власть еще до отречения царя;

— 4 марта открывается торжественное заседание Священного Синода под председательством митрополита Киевского Владимира и нового обер-прокурора Львова, который объявляет об освобождении РПЦ от губительной царской опеки. Архиепископ Арсений (Стадницкий) объявляет: «Революция дала нам освобождение от цезаря-папизма». То есть, свободу от миропомazanного царя. Из зала заеданий тотчас выносятся царское кресло, которое всегда находилось рядом с креслом первоприсутствующего митрополита. Кресло выносят Львов и митрополит Владимир (Богоявленский), впоследствии убитый бандитами в Киеве 25 марта 1918 г.;

— 5 марта распоряжением Синода отменяется в Петроградской епархии провозглашение многолетия царскому дому. Музейным достоянием становится не только трон царя, но и вся история самодержавия;

— 6 марта митрополит Владимир (Богоявленский) рассылает по всем российским епархиям: 66 — в России, 1 — в Нью-Йорке — распоряжение молиться за богохранимую державу российскую и благоверное Временное правительство. Молитва за царя прекратилась;

— 7 марта дом Романовых признается отцарствовавшим. Устанавливается новая форма присяги. При этом старая присяга не дезавуируется никаким церковным актом. То есть граждане России как бы освобождались от верности первой присяги царю. Но митрополит Андрей (Ухтомский) более ясно выразил общее мнение церкви в отношении присяги царю — отречение Николая II от престола освобождает его бывших подданных от присяги ему. Лишь один архиерей, будущий священномученик епископ Омский и Павлодарский Сильвестр (Ольшевский), освободил свою паству от верноподданнической присяги царю. Это произошло 10 марта на центральной площади Омска митрополит прочитал пасте молитву из Требника на снятие клятвы верности прежнему царю;

— 9 марта Синод призывает всех духовных чад признать Временное правительство, довериться ему. Пастве объясняется, что оправдание революции произошло не только волей Божией, но даже повелением Самой Божией Матери. Появляется новый тропарь утрени со словами: «Всепетая Богородица! Спаси благоверное Временное правительство наше, ему же повелела еси править, и подаждь ему с небес победу!».

Таким образом, всеми действиями Церкви ставится окончательная точка в истории русского самодержавия. Примечательно, что на местах, в российской провинции, деревнях, селах новая буржуазно-демократическая власть «легитимизовалась» благодаря упорной пастырской пропагандистской деятельности приходского священства, исполняющего волю высшего священноначалия.

О полном равнодушии священства к судьбе «бывшего царя» говорит и тот факт, что Церковь никак не откликнулась на арест царской семьи 8 марта. Показателен и другой прискорбный факт — никто из священно и церковнослужителей, в первую очередь, из штата придворного духовенства, не последовал за царем ни в Тобольск, ни в Екатеринбург. В заточение и ссылку вместе с царской семьей отправились дворяне, мещане, крестьянка, иноверные иностранцы.

Очевидно, трагическая судьба царской семьи была предрешена вселовным согласием. Возможно и вполне допустимо искать причины равнодушия и даже неприязни к царю в недостатках и ошибках его государственного правления. Рассматривая мотивы для канонизации августейшей фамилии, митрополит Ювеналий подчеркивал, что в государственной и царской деятельности Николая II отсутствуют достаточные основания для канонизации, но святость и царя, и его близких проявилась в страданиях, перенесенных ими с кротостью, терпением и смирением, и особенно, — в их мученической кончине в Екатеринбурге [9, с. 20]. Исходя из этого канонического определения, ученые-гуманитарии могут совершенно спокойно, как бы легитимно рассматривать все недостатки, ошибки и просчеты социально-политического и экономического курса Николая II. Но среди сообщества православных ученых, публицистов, писателей, пишущего священства существует весьма жесткая корпоративная установка — отслеживать и отсекал любые попытки научно-исторической критики в отношении государственного правления царя-страстотерпца, а также в отношении его личностных, человеческих заблуждения и ошибок.

Из этой установки рождаются и распространяются мифы самого ложного свойства. Например, миф о том, что становление капитализма в России при Николае II сопровождалось невиданным расцветом национальной промышленности, экономики, успехами в аграрной и образовательной политике.

Известно, что будучи в Тобольской ссылке, Николай II глубоко сожалел о том, что оставил трон, что его жертва не принесла должных плодов. То есть царь даже не допускал мысли, что его отречение от престола носит некий сакральный, спасительно-искупительный для страны характер. Как вспоминал протоиерей Владимир Хлынов, бывший духовником царской семьи в Тобольске: «Государь говорил между прочим — я никак простить себе не могу, что я сдал власть, я никогда не ожидал, что власть попадет к большевикам. Я думал, что сдаю власть народным представителям» [10, с. 33-34]. Отец протоиерей был уверен, что это переживание ошибки было самым болезненным у государя и не оставляло его во все дни заключения, отречение осознавалось царем как грех, от тяжести которого он хотел избавиться [10, с. 33-34].

Об этом же запоздалом сожалении царя пишет полковник А.А.Мордвинов: «...находясь в далекой Сибири, государь, по свидетельству близких лиц, не переставал волноваться сомнениями, связанными с его отречением. Он не мог не мучиться сознанием, что его уход, вызванный “искренними” настояниями “горячо любящих родину” людей, не послужил на пользу, а лишь во вред свято им чтимой России. Быть может, именно эти жестокие нравственные переживания не за себя, а за родину заставили его, столь всепрощающего, сказать в Екатеринбурге следующие слова: “Бог не оставляет меня, он даст мне силы простить всех моих врагов, но я не могу победить себя еще в одном: генерала Рузского я не могу простить”» [11, с. 122].

Стоит отметить одно важное событие, связанное с пребыванием царской семьи в Тобольске с проявлением покаянного состояния государя. В первые дни знакомства с протоиереем Хлыновым царь попросил его передать свой земной поклон епископу Гермогену, правящему в Тобольске и просьбу простить его, государя, за то, что он отстранил его в свое время от кафедры. Епископ Гермоген был чрезвычайно растроган и послал через отца протоиерея свой земной поклон, просфору и просьбу о прощении. Таким образом, царь и епископ, незадолго до мученической кончины обоих, изжили бывшее недоразумение [10, с. 35].

Следует отметить, что сомнения царя в необходимости отречения в пользу брата преследовали его сразу же после подписания манифеста. А.И.Деникин вспоминал, как в Могилеве отрекшийся император сделал попытку исправить свое волеизъявление, передав через генерала Алексеева новый документ о согласии на вступление на престол царевича Алексея. Деникин пишет: «...царь при свидании с Алексеевым... как-то нерешительно сказал: “Я передумал. Прошу переслать эту телеграмму в Петроград”. На листке бумаги отчетливым почерком государь написал собственноручно о своем согласии на вступление на престол сына. Алексеев унес телеграмму и... не послал. Было слишком поздно. Телеграмму Алексеев никому не показывал, чтобы “не смущать умы”, держал в своем бумажнике и передал мне в мае, оставляя верховное командование» [7, с. 139].

Безусловно, вынужденное отречение царя было проявлением человеческой слабости, а возможно, и политической недалекости, за которую вся царская семья поплатилась мученической кончиной. Любая ложь в отношении последнего русского царя унижительна для современного исторического самосознания граждан. Она унижительна и для памяти царственных страстотерпцев. История XX века требует нового, всестороннего, честного прочтения. Но оно должно совершаться в духе правды, чтобы будущие поколения ученых не смогли обвинить нынешнее в исторической трусости, измене и обмане.

1. Кара-Мурза С.Г. Демонтаж народа. М., 2007. 701 с.
2. Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. М., 2001. 608 с.
3. Цветаева М. «Заповедь не блюла...» (29 сентября 1915 г.) // Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. Кн. 1. М., 1997. 250 с.
4. Митрополит Антоний (Храповицкий). Слова, беседы, речи: (О жизни по внутреннему человеку). СПб., 2002. 450 с.
5. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух веков. М., 1994. 359 с.
6. Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта императора Николая II. Гельсингфорс, 1936. 394 с.
7. Буранов Ю., Хрусталева В. Романовы: уничтожение династии. М., 2000. 447 с.
8. По свидетельству бывшего председателя Петроградского совета присяжных поверенных Карабеского, на вопрос о будущей участи царя Керенский красноречивым жестом обвел рукою вокруг шеи. Впрочем, сам Керенский, будучи в эмиграции, отрицал это страшное обвинение. (Буранов Ю., Хрусталева В. Романовы: уничтожение династии. М., 2000. С. 164).

9. Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых // Московские епархиальные ведомости. 2000. № 9. С. 14-25.
10. Подвижники благочестия XX века. Государь император Николай II и его семья. М., 1993. 59 с.
11. Мордвинов А.А. Последние дни императора / Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. М., 1990. С. 85-148.

References

1. Kara-Murza S.G. Demontazh naroda [Demolition of the people]. Moscow, 2007. 701 p.
2. Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil [Russia and the USSR in the wars of the twentieth century. The loss of the armed forces]. Moscow, 2001. 608 p.
3. Tsvetaeva M. "Zapovedey ne blyula..." (29 sentyabrya 1915 g.) ["The commandments did not blur ..."]. In: Tsvetaeva M.I. Works in 7 vols, vol. 1, part 1. Moscow, 1997. 250 p.
4. Mitropolit Antoni (Khrapovitskiy). Slova, besedy, rechi: (O zhizni po vnutrennemu cheloveku) [Words, conversations, speeches: (About life according to the inner man)]. Saint Petersburg, 2002. 450 p.
5. Mitropolit Veniamin (Fedchenkov). Na rubezhe dvukh vekov [At the turn of two centuries]. Moscow, 1994. 359 p.
6. Voeykov V.N. S tsarem i bez tsarya. Vospominaniya poslednego dvortsovogo komendanta imperatora Nikolaya II [With and without a king. Memories of the last palace commandant of Emperor Nicholas II]. Gel'singfors, 1936. 394 p.
7. Buranov Yu., Khrustalev V. Romanovy: unichtozhenie dinastii [Romanovs: the destruction of the dynasty]. Moscow, 2000. 447 p.
8. Buranov Yu., Khrustalev V. Romanovy: unichtozhenie dinastii [Romanovs: the destruction of the dynasty]. Moscow, 2000, p. 164.
9. Doklad mitropolita Krutitskogo i Kolomenskogo Yuvenaliya, predsedatelya Sinodal'noy komissii po kanonizatsii svyatykh [Report of the Metropolitan of Krutitsky and Kolomna Juvenal, chairman of the Synodal Commission for the canonization of saints]. Moskovskie eparkhial'nye vedomosti, 2000, no. 9, pp. 14-25.
10. Podvizhniki blagochestiya XX veka. Gosudar' imperator Nikolay II i ego sem'ya [Devotees of piety of the twentieth century. Emperor Nicholas II and his family]. Moscow, 1993. 59 p.
11. Mordvinov A.A. Poslednie dni imperatora / Otrechenie Nikolaya II. Vospominaniya ochevidtsev [The last days of the emperor. / Renunciation of Nicholas II. Memories of eyewitnesses]. Moscow, 1990, pp. 85-148.

Tsekhanskaya K.V. "Apostasy and cowardice and deception around me". The article discusses the process of Nicholas II's abdication in the context of the antimonarchist actions of the privileged strata of Russian society and describes the spiritual and moral condition of the people on the eve of the Russian Revolution. The author placed particular emphasis on covering the destructive actions of the military elite, which prompted the king to abdicate the throne. Considerable attention is paid to the position and behaviour of the Russian priesthood, who welcomed the abdication of Emperor Nicholas II. At the same time, mythological models related to the assessment of the life and martyr's death of the royal family, the assessment of the last choice of the emperor, that is, his renunciation, are criticized in the work.

Keywords: tsar apostasy, treason, historical myth, repentance, kingdom, holiness.

Сведения об авторе. Кира Владимировна Цеханская — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, kirilla2011@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019. Принята к публикации 20.03.2019.